

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Анастасия Декар

ВЫСКОЧКА ✦ В
АКАДЕМИИ КУТХА

Пролог

Старый служитель не спеша брел по пустынным коридорам храма, тяжело волоча ноги по скользкому полу. Его сегодняшний вечерний обход ничем не отличался от всех предыдущих. Лунный свет сочился сквозь резные окна в залы, а служитель, совершая махи руками, посылал энергию в осветительные камни, отчего те зажигались багровым румянцем. Посчитав, что обход завершен, старый служитель остановился в центре храма перед статуями четырех Хозяев дара этого мира. Он ждал исполнения пророчества всю жизнь, как и его отец, а до этого и отец отца... Годы сменялись столетиями, их род продолжал нести службу в храме, а глаза статуй по-прежнему загорались светом только один раз в году — на Туйгивин, день зимнего солнцестояния, от которого начинался отсчет нового года. Служитель смирился, что на его веку пророчество останется лишь историей, которая передается из уст в уста, собирая все больше и больше новых почитателей.

Старый служитель предался воспоминаниям, и, как в былые годы, когда колени ловко сгибались,

а ноги кружили его по залу, он уколол палец и приложил его к статуе Хозяина воздушного дара, его дара. Кровь с окаменевшего тела впиталась, а глаза статуи загорелись синим отливом. В неверии служитель упал на колени, сгибаясь до пола. Вслед за Хозяином воздушного дара, загорелись глаза Хозяина земного дара, затем водного и в конце огненного — не только Хозяина дара, но и Творца мира. Всю жизнь ожидая этого момента, служитель оказался не готов к нему.

Посчитав, что он достаточно помолился, старый служитель, крихтя, поднялся с пола и засеменял к выходу. В пристройке к храму паслась его двухметровая куропатка, которая давно томилась в ожидании наездника. Служитель никогда не забывал о пернатом напарнике и часто отпускал его в полет одного. Переполненный торжеством момента старый служитель со второго раза забрался на куропатку, повредив себе бедро и растянув запястье.

— Не подведи, — попросил он.

Куропатка вышла в распахнутые ворота, притоптывая, прошла по загону и взмыла ввысь. Служитель схватился бы за сердце, да боялся отпустить узды — давно он не сидел верхом. Он вспомнил, как жилистым парнем учился верховой езде и первый свой полет, после которого он долго плакал слезами радости, прячась в темном парке Академии.

Куропатка резво летела над ночным городом первого острова. Старый служитель осматривал изменения, произошедшие за те годы, когда он безвылазно сидел в храме — лет пятьдесят уж точно он не выбирался оттуда. Совершив вираж, куропатка

плавно опустилась перед резными воротами неприметного особняка, расположенного недалеко от центра. Служитель решил не спрыгивать — еще одного карабканья на куропатку он мог бы не пережить, к тому же рядом нет столь необходимой маленькой лестницы.

Восседая верхом, служитель позвонил в колокол, звон которого лихо разносился по округе, и вскоре из дверей выбежал парнишка.

— Глаза у статуй полыхают светом, — пропел служитель и взмыл на куропатке ввысь.

Парень молча наблюдал за удаляющимися силуэтами служителя и куропатки в небе, боясь, что это все ему привиделось. Оправив длинный черный плащ с капюшоном, полностью скрывающий лицо и тело, парнишка ринулся в дом. Он бежал без оглядки. Встречные фигуры в черных плащах останавливались, пропуская его. Резко дернув дверную ручку, парень ступил за порог кабинета, где восседал Верховный — руководитель их общества, носившего звание Логова страждущих, тех, кто не переставал верить и ждать исполнения пророчества. Верховный восседал за столом. Его капюшон был спущен. Это был высокий мужчина средних лет с раскосыми черными глазами и прямым носом, голову которого, как всегда, украшало множество тугих переплетенных кос. Бумаги со стола Верховного вихрем поднялись и разлетелись по кабинету.

— Глаза статуй Хозяев дара засветились, — громогласно объявил парень. Он шел вперед, не забо-

тась, что наступает на разлетевшиеся листы. — Прибыл служитель из главного храма, он заметил изменения.

Верховный поднялся из-за стола:

— Наше время настало, — прижал он руку к груди. — Подготовь письма, нам нужно оповестить всех членов Логова. До Туйгивина месяц, тогда-то и проявится дочь Кутху.

— Вы уверены? — взволнованно спросил парень. — В пророчестве не сказано, что именно в тот год, когда засветятся глаза, инициируется дочь. «...Когда глаза без поклонения зажгутся и изменения в неподготовленных начнутся; лишь та, что кровью связана с Творцом, откроет для себя дар иной и, растворившись в земном мире, возродится снова; со всеми она схожа и не схожа; и там, и здесь откроется дорога; и колесо к повтору наклонится; она исполнит долг перед Творцом с покорностью; тогда вернется Кутху, чтобы повстречаться с дочерью...» — нараспев повторил он строчки пророчества.

— Ты должен познакомиться с каждой из них, ее дар не заставит себя долго ждать, — размеренным тоном поучал Верховный.

— Я сделаю все и даже больше, — наполнился парень важностью предстоящего события.

Верховный посмотрел на него из-под опущенных век:

— Делай только то, что тебе велено. Найди девочку и приведи ее ко мне, а я обеспечу тех, кто будет дергать за ниточки и настраивать ее против идеальных.

Парень сделал все, что было ему велено, а после вернулся в Академию. Он не подведет Логово страждущих и отыщет девчонку. Он обязан оправдать возложенные на него ожидания, и ничто не сможет остановить его.

Раскрыв дневник, парень склонился, тщательно выводя маленькие, как под копирку, извилистые буквы, складывающиеся в слова, а те — в его сомнения, переживания и надежды.

...Мы ждали этого дня столетиями, и он настал. Скоро, совсем скоро пророчество исполнится — и дни наполнятся смыслом. До заветной встречи остался какой-то месяц. Дочь Кутху, наконец-то ты явишься к нам! Наконец-то ты явишься ко мне! Они не знают о моем желании — я скажу лишь тебе: я жажду связать наши жизни. Я докажу им, чего стоит брошенный ребенок, а после я найду отца, что обрек мою мать на погибель и оставил меня.

ГЛАВА 1

Дом, МИЛЫЙ ДОМ

Утро особенного дня выдалось на редкость богатым на неприятности. Вишенкой на торте стал тыквенный пирог, точнее, последний кусок тыквенного пирога. Вишня в это утро также не обошла меня стороной.

Первые лучи солнца не торопились заглядывать в окна. Быстрым движением я скинула одеяло, потянулась и следом ступила в вязкое мокрое месиво.

— У-у-у-уф, — поежилась я и отлепила ногу. Сомнений не оставалось — это безобразие сотворили горячо любимые братья-двойняшки, которым на днях исполнилось четыре. — Сколько раз просила не пускать их ко мне в комнату! — закричала я.

— Милая, ты же знаешь, как сложно за ними уследить, — послышался голос мамы с кухни.

Я пропрыгала на чистой ноге в ванную, где меня ждал очередной сюрприз. Почему-то именно сегодня прорвало трубу, ведущую горячую воду с гейзерных

источников. Чертыхаясь, я ополоснулась холодной, а черную копну прямых длинных волос решила не мыть и заплела в тугую косу.

После бодрящего душа я, вооружившись тазиком и тряпкой, уже на своих двоих вернулась в комнату и начала оттирать пол от липкого погрома. Слава Кутху, вязкое месиво оказалось вишневым вареньем!

— Только продукты изводят, — пробубнила я.

В приоткрытую дверь забежал маленький пушистый питомец, евражка¹. Серенький комочек меха, застрявший в расщелине свалившегося дерева, я нашла с полгода назад. Зверек отчаянно пытался выбраться из плена, но сухая древесина лишь обдирала бока. Я принесла больного домой, очухавшись, он не захотел насовсем убежать в лес.

Зверек, приняхиваясь, кружил по комнате, а затем и вовсе стал облизывать пол.

— Разбойник, не мешай! — вскрикнула я и махнула рукой, задев при этом таз. Вода вылилась на пол, а зверек быстро скрылся с места преступления. — А-а-а-а, — закричала я и с силой кинула тряпку.

— Милая, у тебя все хорошо? — раздался громкий голос мамы. Она уже привыкла к моей ругани, поэтому не спешила в комнату, все также хлопоча на кухне.

— Да, — резко ответила я.

Делать было нечего. Выдохнув, я подняла бро-

---

¹ Евражка (также еврашка и овражка) — вид грызунов рода трансберингийских сусликов; обитает на Дальнем Востоке, Аляске и в Канаде (здесь и далее — примеч. автора).

шенную тряпку, сменила воду и приступила к перемыванию.

Все неурядицы утра способен был исправить лишь наипрекраснейший кусок тыквенного пирога, заботливо сохраненный, а не слопанный со всем семейством на ужине, но... Когда я зашла на кухню, мой пирог с громким чавканьем доедали братья-двойняшки.

— Ну я же просила... — не сдерживаясь застонала я.

— Извини, милая. — Мама помешала жаровые вулканические камни кочергой, отчего те развалились в разные стороны, понизив температуру печи. — Зато овсянка подоспела.

— Овсянка, ням-ням! — радостно прокричал Ропал.

— Ням-ням, — повторил за братом Нимал.

— Они прекрасно обошлись бы кашей! Без моего пирога! — чуть ли не по слогам проговаривала я.

— Тебе жалко? — тяжело вздохнула мама. — У них осталась треть, раз тебе так хочется. — Она взяла тарелку с объедками и протянула мне.

— Ты издеваешься! — В немом раздражении я подняла руки и вновь опустила. При всем желании, я не собиралась доедать остатки обслюнявленного пирога.

— Хватит дуться. — Мама сняла с себя фартук. — Если так хочется, то возьми и испеки еще.

— Мне хочется спокойно провести сегодняшний день и позавтракать тем, чем я хотела.

— Тебе семнадцать, пора перестать вести себя как ребенок! Ты старшая — значит, должна помогать семье и заботиться о братьях, а не ныть по всякой ерунде, — повысила голос мама.

Братья притихли.

— Как ребенок? По всякой ерунде? — не выдержала я, воскликнув.

В отличие от одноклассников, которые в прыжке бежали после учебы на прогулку, я спешила домой — помогать родителям. В свои семнадцать я и выглядела старше большинства из них, а все благодаря чересчур светлой коже, выделяющей меня на фоне смуглых сородичей. Такая белая кожа была присуща лишь черным воронам — обладателям огненного дара, но куда мне до них? Росту я была невысокого, скорее среднего, черные зрачки зорко глядели сквозь горизонтальный разрез узких глаз под изогнутой линией бровей. Прямой нос я унаследовала от отца, а высокие и очерченные скулы от мамы, как и характер — от того мы с ней и вступали вразлад.

— Да я только и делаю, что помогаю по хозяйству и сижу с братьями. И так всю жизнь... Всю жизнь я так и буду прозябать на этом острове — как вы! Я не хочу так, понимаешь? — всхлипнула я и убежала из кухни.

Мама пошла следом. Она зашла в комнату и аккуратно присела на край кровати, поправив одеяло.

— Можно мне побыть одной? Да что вам всем от меня нужно? — взмолилась я, поворачиваясь к ней спиной.

— Какая тебе инициация? — раздраженно сказала мама. — Не успела проснуться, сразу крики, ругань.

— Ты специально? — Я развернулась и сердито уставилась на маму. — Зачем вы все время говорите про эту инициацию? Нет у нас в роду дара. Нет его! — закричала я. — Все? Отстанешь от меня?

— Но ты же хочешь обрести его.

Мама попыталась дотронуться до меня, но я отдернулась от протянутой руки:

— Поэтому вы каждый раз мне об этом напоминаете! Да, я знаю, у одаренных родителей рождаются одаренные дети, — пробубнила я заученную фразу. — Но ты забываешь — бывает и по-другому! — ударила я себя кулаком в грудь. — Ведь Пиля-чуч мог вернуть душу одаренного родственника в мое тело... Ты не думала об этом?

— Милгын, девочка моя, но в нашем роду одаренных, — развела она руки, — увы, не рождалось.

— Хочешь сказать, ты с отцом весь наш род знаешь?

Мама не нашлась с ответом.

— То-то же, — довольно добавила я.

— Доченька, мы тебя любим и переживаем за тебя. С этой инициацией ты стала такой нервной...

— Ничего я не нервная, — перебила я маму. — Конечно, нет ничего плохого, чтобы прожить всю жизнь на восьмом острове. Самом отдаленном и забытом месте этого мира! — всхлипнула я.

— Дорогая, никто не заставляет тебя всю жизнь сидеть с братьями и жить с нами, — тепло улыбнулась мама, на этот раз сжав мою ладонь. — После обу-

чения мы с папой поможем, даже если ты захочешь переехать на другой остров.

— А смысл? — Я посмотрела в тревожные мамины глаза. — Это ничего не изменит. Неужели вам никогда не хотелось чего-то большего? Вон, водники наслаждаются просторами синих глубин. Воздушники летают на двухметровых куропатках. Зёмники становятся шаманами, проводниками между нашим и животным миром. Огневики и вовсе нагоняют тучи, поднимают воду, содрогают землю и вызывают лаву.

— Не романтизируй, — повысила голос мама. — На плечи одаренных ложится огромный груз ответственности. Они рискуют жизнью, защищая нас от низших духов.

— Все равно это несправедливо! — не сдавалась я.

— Это молодость, милая. — Мама стерла слезу с моей щеки. — Ты подумай об этом иначе: наша профессия — это и есть наш дар. Посмотри с каким усердием папа работает с деревом, а я пеку пироги. К тому же у нас большая и дружная семья. Мы любим друг друга. Разве это не счастье?

Ее проникновенный взгляд давил. Я не смогла сказать ей — нет.

— Вот и хорошо. — Она обняла меня. — Я на работу. Каша на печке.

Вскоре я услышала, как хлопнула входная дверь. Шлепанье босых ног становилось более отчетливым, и вот в комнату ввалились братья-двойняшки.

— Мил-лын, — позвал Ропал. — Мы кушать хотим.